
Иоанн А. Т. Мария Даровский

Рыцарь удачи

Мелисанда

Из цикла «Lady Madonna»

НАЧАЛО

Он сказал: «Уже близок Час,
Мы в начале дорог земных:
Для того и Двенадцать вас,
Ближних учеников Моих».

Белым хлебом и красным вином
Голод и жажду утолили они;
Хриплый ветер завел за окном
Песню верности и любви.

И вот Господь покачал головой
И молвил, глядя на пляску огня:
«Двенадцать вас, и нет того,
Кто не отрекся бы от Меня...»

И каменный Петр крикнул: «Я
Останусь с тобой до конца, Иисус —
На смерть, на пытку веди меня —
Не откажусь и не отрекусь!»

А Тот покачал головой опять
И выдавил, глядя в город огня:
«Не успеет трижды петух пропеть,
Отречешься и ты от Меня.»

Так Он сказал. И в тишине
Закрыв лицо и поник головой,

Рыцарь удачи

И на скамье, на столе, на стене
Горбилась долгая тень Его.

Молчали Двенадцать учеников,
И было слышно, как где-то вдали
Стихала и крепла вновь и вновь
Песня верности и любви.

1980

Из цикла «Пусть будет так»

* * *

Полонез прибывает волна к волне,
Но прямой, как старая жердь.
И танцующие в больной стране
Завтра будут драться спина к спине
И зрячие встретят смерть.

Красные тарчи — еще конвой,
И опять оказывается живой
Та утерянная страна,
Убивающая своей наготой
Убывающая волна.

И волна к волне застыли вдвоем
Та, что канула в черный оконный проем,
Та, что сгинула и умерла —
Память гусар, золотое шитье,
Европейские колокола.

1981, восстановлено 1999

ИЗ МОЛИТВЫ О ЗВЕЗДНОЙ ВОЙНЕ

...И если завтра не наступит
Ни очищенья, ни любви —
Летучей огненной настурцией
Мой сонный край благослови!..

1980

Кондвиратур

Из цикла «Когда я был радикалом-1»

* * *

Какие простыни? Пространства
За краем выжженной земли,
Куда уводят нитку трассы
Отпущенные журавли.

Ну, так лети, весна-синица,
Преображаясь на лету
В ту, кто наполовину снится,
Наполовину наяву.

А та людская небылица,
Что мы, синичка-невеличка,
Привычно ревностью зовем —
Уже не ревность, а привычка
Болезь пролетным журавлем.

Весна 1986

Из цикла «Когда я был радикалом-2»

ФРАНЦИСК

по синему склону к зеленой реке
большими шагами и с розой в руке
а бабочки в звездах а кошки
за ними по лунной дорожке
а бабабабабочки в доме
Domini Domini Domini

Зима 1988—1989

* * *

когда уйдут жена и дочь
возьму фонарь ночной звезды
и с ним пойду искать смотреть
в становищах ночной орды
а кто посмеет мне помочь
когда моя охрана смерть
прочнее чем тройная медь
прочнее чем тройная медь
и плыть себе из ночи в ночь
пуская по воде труды
утопленник живой воды
утопленник живой воды

Весна 1989

Изольда

Из цикла «Argentum Domini»

ГАЛАДРИЭЛЬ УХОДИТ

Король Заката, Судия Востока,
ради скорбной слабости моей
не осуждай меня, дай мне увидеть,
дай посмотреть хотя бы раз, как жемчуг Твой
гаснет над западными островами.

Король приливов, Чей день велик
и безмерно горек — ради оставленности Твоей
произнеси, изъясни мне мое оправданье,
освяти приснившуюся мне жажду
косых лучей над вересковыми холмами.

Король мой, ради той последней
наготы, ради горней славы Твоей —
не оставь меня без прикосновенья плоти,
возьми призрачные плоды моего нетерпения,

пусть их станут малиной, грибами, орехами,
яблоками под теми косыми лучами.

Боже птиц, Боже кораблей,
Боже многооконных церквей,
Боже многокрылых фрегатов на краю земли —
помилуй меня, помилуй меня
детства Твоего ради,
Боже вселенной, Боже чистый, Боже правой веры.

Боже Отче мой, Боже Садовник,
даруй любовь, чтобы я полюбил Твоей любовью
привидившиеся мне дол и холм,
совиный дуб, соловьиный орешник,
пустошь, пахнущую атлантической солью —
ибо нет у меня любви для моей любви.

Laudate Dominum
Laudate Dominum
Omnes gentes
Alleluja

Конец 1993

Из цикла «После нашей смерти»

КОЛЕСО И КРЕСТ

Ворон с ветром, как мертвый зуб,
Снизойдя, нападут на труп.
Перемерят бугры и лужи,
Потроша до нутра снаружи.

Снег, как голубь Царя миров,
Снизойдет и ссудит покров.
Вот и вычищен, убеленный,
Тихо лег и заснул влюбленный.

Зима 1994—1995

MARTYRIUM

Бог не казнит не знавших Бога —
Казнит ли тех, кому Он друг?
Не бойся. Постоим немного
В кольце волнующихся рук.

Они объемлют, как корзина,
Земную пристань бытия,
Но вой горящего бензина —
Еще не я, уже не я.

— Какие жаркие объятья. —
Но перед заревом вдали
Я покрасуюсь в белом платье,
Покуда сроки не пришли,

Пока не станем невесомы
На той волне, которой нет,
Одно мгновение несомы
Через какой-то белый свет,

Пока, повиснув друг на дружке,
Мы не очнемся на заре,
Как две ожившие игрушки,
Позабывая о костре.

1995—1996

СТЕНДАЛЬ—ПРУСТ

(Lettre français)

Кем вы были при жизни?

Рубрика, отсутствующая в газетах

Бывшее зеркалом было
Заброшенным предвидением
Харчевни и черви, тарелки, клинки: Ватерлоо,
«Мечется улица у лица»,

Флаконы яда фонари:
Сухие губы такое близкое Сущее
Удалилось в глубины
И росло и росло и растет
Больше стало цели больше колоса
Больше по настоящему судя
Чем те ураганы цветущих яблонь
Это было в июне и юность была Ватерлоо
Это страшное полное спелостью осени слово
Ватерлоо еще перемножить на мост Ватерлоо
Это страшное полное зрелостью осени солнце
Семена молодые любовью богов взысканные
Арцах Арцах Лиетува Беларусь
Семена молодые упование погребенных стран
А Господь царь царей все высылает
рати ростков своих

Во урожай Воскресения
Все высылает
Мы живые живые живые
Зеркальце где ты заброшенное
Чтобы в тебе отражался
Этот подпольный июнь этот день Бонифация
день Великого Льва Утопий
Усекновения нашей горящей главы
Когда вновь началось то что всегда начинается
Свет мой невечерний скажи
Ну было ведь зеркальце
Было ведь зернышко
И что будет то будет
Только время еще не созрело
Не открыта земля
Нашего Ватерлоо
1996–1997, ред. 2000

Из переводов 1995–1997

TAEDIUM VITAE

Оскар Уальд

Носить ливрею пакостнейших лет,
Зарезать юность, и пускать подряд
Любую сволочь расхищать мой клад,
И быть заложником — все, чтобы свет

Счастливчиком считал меня. Ой нет,
Я не такой. Я больше! Ваш уклад —
Глупей, чем пенных хлопьев рост и спад,
Чем пуха бестолковейший курбет

В жаре июня! Не хожу я близ
Оравы дураков, задетых мной.
Лачуга черни все не так плоха,

Как тот, давно знакомый мне покой,
Охрипший от злоречья, где впились
В мой белоснежный дух уста греха.

ДОМ РАБСТВА

Фрэнсис Томпсон

К ковчегу духа глиняный прилип
Комок — он не моложе ветхих Фив;
Но кто поддержит жреческий порыв —
Сломать печать? Не море, где погиб

С военной силой мощный Фараон,
Не склепы, занесенные песком:
Стопы Амора вязнут, вязнут в нем;
И на крылах Канцоны тоже — он.

Амор — солдат; солдат не снимет лат
И стоя хлеб вкусит, пока живой.
Но как дойдешь, когда стопы болят?
Канцона, кто ушиб полечит твой?

Надеялся ли Иаков, что сожжет
Два семилетия — Рахили рот?

Из цикла «Окно»

ДАНТЕ

Морозной ночью, в сумрачном лесу,
Лишь памятью, достойной переростка,
И, как послед, несомой на весу,
Он отличал себя от недоноска,
Ее окаменелостей набор
Ощупывая в темноте, как вор:

И каменные стати монны Пьетры,
И (непомерный) философский склад,
Заваленный останками империи —
Без имени и семени разврат
Там-сям скрепляет скипетры тягучей
Смолой, а он — он упустил свой случай.

И весь восход по неродной горе —
Нелепая величественность спуска
Туда, где отражается в дыре,
Изжеванное льдами, как «Челюскин» —
В его зубах терзаемы враги —
Лицо, лицо расстроенной Яги.

Цветы Фьоренцы, золотые птицы,
Летят и гаснут угольками птиц.
О, не хотеть и не уметь проститься!
О, не хотеть и не уметь простить!
Провал — и зарифмовывают звери
В трех плоскостях *пустыню Алигьери*:

Лобастая волчица, смрадный зад,
Расхристанная рысь, да царь зверинца,
Раскрашенные от руки, висят,
Как глиняных лампадок вереница
В дешевой лавке: больше чад, чем свет,
Но тут, в лесу, другого света нет.

Бродило плоти! Жалкое наследство,
Постылое уже в эпоху Фив!
Как приравнять к тебе благое детство,
Блаженный холм, которым грезил Сиф?—
Утопший край, где соблюден обычай,
Где царствовала монна Беатриче?

Любимцев духа можно расставлять,
Любя, огнями разноцветных свечек;
Любовью мир укрыла Божья мать —
— *Мой бедный нелюбимый человечек* —
Тебе, тебе, как лесенку в ночи,
Спускают разноцветные лучи!

Так отчего ж не лев, сплетенный с рысью
А подлая волчица, жало в плоть,
Ведет меня измат(ы)вающей рысью
И гонит вниз — а возгоняет в плоть
До высоты, которая, наверно,
Сопоставима с высотой Альверно?
1995

ЕГИПЕТСКАЯ СКАЗКА

Элита или не элита,
Но наш удел с палеолита —
Ярмо с гремушками да бич.

В особенности египтята
С изяществом несли куда-то
Свою диковинную дичь.

Спускалась медленная барка,
Где скапливались скорби скарба,
Ориентируя сюжет

У пирамиды на задворках,
В общеизвестных жучьих норках,
Испоместить страну O-Z —

С неназываемой столицей,
С царем, естественно, с царицей —
Да будет здрав и невредим —

На случай, видимо, подвоха
Снабжая древлего Гороха
Излишним оборотом сим.

И дале, мыслию по древу —
Царевич принял жизнь, как деву:
Лицо в окне, лицо в огне —

Решил Царевич обреченный,
С рожденья смерти обрученный,
Принять историю вполне.

По направлению к Ливану,
Судану или Финнегану
Ковчег накапливал сердца;

Его сопровождали Силы,
Собаки, змеи, крокодилы —
Скарб скорби, нет ему конца.

Но вот, в торжественных разливах,
Река распределяет в нивах
Осадок лет, небесный ил.

Папирус потихоньку вырос,
Но он не знал, что он папирус,
Пока Писец не объяснил.

Зима 1994—95

ГЕРАКЛИТ И ЭЛЛИНЫ

Семь веков от смерти Гектора, пять — до Рождества Спасителя.
Там посередине вектора кто-то плачет удивительно:

HERAKLEITOS:

Что же, что же, братья-эллины,
Братья-волки вместе с зайцами,
Вы живете, как не велено,
Распоследними мерзавцами?

HELLINOI:

Ты чего там наисследовал,
Что ругаешься по-черному?
Ты же вроде унаследовал
Мантию царя... почетного?

И века разбухли веками, очи красным затуманены.
На том свете не скумекали — **он же с малолетства раненый!**..
И земля закомплексована, то огнем гори, то заморозки —
взад-вперед исполосована по-тиглатопалассаровски...

HELLINOI:

HERAKLEITOS:

Ты чего у печки греешься?..
Уж теперь уж не пожалуешься,
Что не понят нами, греками..
— Поучи уж нас, пожалуйста.

Что вы встали на пороге?..
Это место тоже славно.
Боги — здесь: да только боги
Тем знатнее, чем невяней.

Все, что принято, прославили, и сплели венки цветочные.
Артемиде храм поставили, изукрасив по-восточному.
Велика богиня древняя, велика она в Эфесе!..
Точно, разрослась деревня,
можно и топор повесить — столько запаха чесночного..
И сплели венки цветочные.

HERAKLEITOS:

HELLINOI:

Сердце, сердце, строй твой грозен, Сердце, сердце Гераклитово,
Что найдешь себе оградой? Обойденное наградой!
Получаешь, что попросишь; Что ж ты, брат, не эмигрировал?
Раз — и жизнь пошла оплатой... Мы в Афинах мудрым...рады...

Сочиненья Гераклита, как известно из истории,
вместе с храмом Артемиды (с тем, вот именно, который),
в фейерверке, что устроил Гераклитов полу-тезка (и оно никак не
странно) начисто сгорели вместе.

Убелюся паче снега

Передай же — Тот, Кто держит
Семизвездие в деснице,
Знает, помнит — всех, кто терпит,
Кто еще готов трудиться;
Сокрушения сердечна
Не беги, Эфесский житель:
Жизни плод от древа вечна
Примешь ты, как победитель.

Зима 1994—1995

ШОТЛАНДИЯ

Мы сказками предания зовем
Бунин

Как два конца одной струны
Для гармоничных сочетаний,
Две Скифии сопряжены
Одним косым крестом скитаний.

И по дороге в строгий рай —
— Россия, Лета, Лорелея —
Последний римлянин Барклай
Утешен славой Веверлея.

И то, что передал Лука,
Опять, опять тревожит ухо —
Воздушной арфой языка,
Апостольским касаньем Духа.

Зима 1994—1995

Центральноевропейские оды

I

СЕ В МИРЕ

Как осень мира на плоды и краски,
Смерть не скупится на свои подсказки
И создает великие развязки
Из крохотных на память узелков —
Не сами по себе *красоты слога*,
А то, что внятно в качестве итога
И на земле Танцующего Бога,
И для теней и шепота веков.

Мюнхгаузен, подобный исполнину,
Тем самым мертв уже наполовину —
Не как прибор, слышавший лавину,
Но, как танцор, досрочно расточен —
На что ему теперь хулы и славы?
Как женщины — лоскутные державы:
Они легки, смешливы и кровавы
И падают, когда сражен барон.

Смеющиеся над служеньем Даме,
Не любящие смерть под небесами —
Что делать *вам* с бессмертными стихами
И с тем, что не стихает полонез?
И как доверить *вам* сестер Адама,
Не согрешавших и ходивших прямо,
Тех, кто погиб, кто воскресал упрямо,
Кто вымер и забыт, но не исчез?

Австромадьярка с Речепосполиткой,
Вас не найти, на ваша нота длится,
Беляночка и Розочка, сестрицы,
Центральноевропейские сердца!
Намного ближе Вене, чем Берлину,
Шел польский граф с прозваньем не по чину —
Il Santo — по вечернему Турину —
Туда, где только танец без конца.

Еще чуть-чуть, и пламя прополочет
Проулок и неузнанную площадь —
Прекрасная и загнанная лошадь —
Пошла дорога вверх бросками вниз,
Тореадор — сапфические строфы —
Та девочка — отсчет до катастрофы —
С тобой все слезы от времен Голгофы —
Из катакомб приходит Дионис.

Молитесь, граф, пора — уже в движенье
Тот свет, откуда чудное мгновенье:
Болящий дух врачует песнопенье —
Гармонии таинственная власть —
Уже с тобой, уже в ночи аптека,
Тот вестибюль классического века,
Где Лик — не только облик человека
Уже готов раскрыться и совпасть.

1997 доп. 2000

II

ОДА ПАМЯТИ КОРОЛЯ ЯНА И ПОБЕДЫ НАД
ЯЗЫЧНИКАМИ ОДЕРЖАННОЙ ПОД ВЕНОЙ
В СЕНТЯБРЕ 1683 ГОДА ОТ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

1

Четыре обода Езекииля,
Глазастые видетели сторон,
Перемещались в воздухе иплыли,
Куда переходил Господень трон.
Для поклоненья в Истине и Жизни,
Где веет Дух, там будет *меркаба*,
И Ангелы не имут укоризны,
Что плоть Людей звенела, как труба —
В огонь, Латиняне, Тевтоняне, Мадьяры,
Сыны снегов, Крылатые Гусары!

2

Они на копьях принесли рассвет,
Им не видать своих лесов и женщин,
Пока не прогремит цепочка лет,
Пока с Невестой Агнец не обвенчан.
Невесты-Розы мужеская кость,
Сей Агнец, Сей Кораблик Карнавала
С грехами мира вынес нашу злость,
И Кровь на алтарях перегорала,
И если говорят, что учинился ад —
Бог и в аду найдет Своих ягнят.

3

Не что-то, что заранее известно,
Не дом гордыни, сущий на песке,
Но то, что со злодейством несовместно,
Короткий миг Король держал в руке —
Жизнь Моцарта, короткую, как пламя,
И первую любовь, и Ключ Любви,
Европы симфоническое знамя —
Свободу, растворенную в Крови!
Вы, злые сироты, клинки дамасской стали —
Ах, как вы нас напрасно презирали!

4

И замерли шеренги янычар,
Пока Единый Бог подымет руки —
Предчувствуя неистовый удар
И смертный бой неназванной хорутви.
И, как на небе, несколько минут
Для песни *неподлеглой, незалежной*,
Для песни тех, кого сейчас убьют,
Для страшной, страстной, невозможной, нежной —
«*О Богуроднице!* Ликую и скорбя,
Идем на смерть, приветствуя Тебя!»

5

Далекий от людей, многоименный,
Зерцало неба, вечный падишах,
Султан-халиф, сокровище вселенной,
А также румский цезарь — вас в веках
Вовек не удостоят разговором
Мари-Мадлен, свободная, как сталь,
Маркиз-максималист, седым фрондером
Идущий в рай. Еще одна деталь:
Остались под Крестом Европа — и гробница,
Откуда встанет Картезьянский Рыцарь.

6

Мария, это смерть: но нет вреда
От смерти тем, кто полюбил Мадонну.
Я не бывал в Лорето: не беда,
Лорето есть. И, подчинясь Закону,
Беленого домишки Квартирант
Взошел на Крест — и началась свобода,
Как серебро, нечаянный талант.
Мне тридцать три и даже больше года.
Все понимается сейчас, но только что —
Пора идти, пора влезать в пальто.

7

Я только жил: потом я умер тоже,
Но жизни нет. Жизнь только снится нам
Морщинами на слишком тонкой коже
И жалом уголька. Отдай векам,
Король, права на новое сказанье:
Придет само. Но ты теперь живи,
Где несомненно только содроганье
От ярости и жалости любви:
Кто в бесконечном сне от страсти содрогнулся—
Сомкнулся с миром и уже проснулся.

1996 доп. 2000

III

TE DEUM ПЕРЕЛОЖЕНИЕ ГИМНА
СВЯТОГО АМВРОСИЯ МЕДИОЛАНСКОГО
(по преданию — Амвросия и Августина, учителя и ученика)

Тебя Бога величая,
Исповедуем собором —
Возглашает тварь земная
Всей земли согласным хором;

С нами хоры бестелесных,
Силы зримы и незримы,
В сонме Ангелов небесных
Херувимы, Серафимы —

И могучи, и крылаты,
Воспевают песню славы:
Боже Святой, Святой, Святой,
Боже Воинств, Боже Правый!

Божья слава сокровенно
Небеса и землю полнит —
Слышишь, Церковь во Вселенной
Исповедует и помнит:

Хор Пророков просветленный,
Круг Апостолов соборный,
Мучеников легионы
Славят тайну славы горней —

И Тебя, Отца Едина,
И достойна поклоненья
Бога Истинного Сына,
Купно — Духа Утешенья!

Ты, Христос, Отцом рожденный,

Ты, Царь славы прежде века,
Освятивший Девы лоно
Для спасенья человека,

Превозмогший жало смерти,
Отворил нам дверь чертога
И восшел превыше тверди
В славе одесную Бога —

Ты придешь Судьей вселенной —
Помоги Своей рукою
Тем, кто Кровью драгоценной
Был уже спасен Тобою.

Нас, рабов, причисли тоже
Ко святым в Господней славе —
Свой народ спаси, о Боже,
Вознеси вовек и прави!

Сжался над людьми Своими,
Даруй им благословенье —
Да святится Божье Имя!
Сбереги от согрешенья!

Господи, я уповаю,
Ибо Ты моя опора:
Да вовеки не познаю
Я горчайшего позора,

Чтоб еще Отцу Едину
Возносили мы хваленья,
С ним Единственному Сыну,
Также Духу Утешенья.

Великий Пост 1998

Джиневра

ИЗ «РИМСКИХ
ПЕСЕН»

«7»

ВСЕ СКАЗАННОЕ
РИМОМ
СВОДИЛОСЬ
К ОДНОМУ
ПЛЫВИ К СВОИМ
ЛЮБИМЫМ
ПО ТЕВЕРЕ СВОЕМУ
**СЛИШКОМ ПРОСТО
ДЛЯ ПРАВИЛ
И ПЛЫВИ
ЗАЧЕМ ТЫ МЕНЯ
ПОДСТАВИЛ
ЭЛОИ**

БОЖЕ ВСЯ ЭТА НЕГА
ВСЕ ЧТО НИ ЕСТЬ
ЛЮБВИ
ВСЕШ УТОПИЗМ
КОВЧЕГА
С ТЕРПКИМ ВИНОМ
В КРОВИ
**БЕЗ ЗАСЛУГ И БЕЗ
ОГЛАСКИ
БЕЗ НИЧЕГО В РУКАХ
ПРИНЯТ ВОДОЙ
РАСПЛАСТАН
И ОБНАЖЕН КАК
ПРАХ**
ВОЛОСЫ ПАЛЬЦЫ
РЕБРА
ЛИСТЯ И В НИХ
ЗВЕЗДА
ПОТОМ СЛЕЗАМИ
КРОВЬЮ
СЕМЕНОМ ПАХНЕТ
ВОДА

БЛИЖЕ ЧЕМ ДОМ А
ДОМА
ТАК ЛИ ТЕБЯ ХОТЯТ
А
М
О
А М О Р О М А
О
М
А
ГДЕ НАШ ГОСПОДЬ
РАСПЯТ
ВИДЕВШИЙ СВЕТ
ВЕЧЕРНИЙ
**Я ПОХОРОНЕН ВСЕШ
ВСЕ МЫ ПРОСТЫ КАК
ЧЕРВИ
БУДЕМ ЛЮБИМЫ
ЗДЕСЬ**

Апрель 1998—август 1999

Альда-Анжелика

АМО, МЕМО, СПЕРО

«1»

Элинор Ригби и Аннабель Ли
И Аталанта — дорогами праха
Я прихожу к тебе из-под земли,
Нет больше нам ни стыда и ни страха.
Эти двенадцать оболганных лет
Цвет сохранялся, как Божия милость —
Глаз, и волос, и защитный твой цвет —
В памяти это не переменилось.

Я в этот храм прихожу, чтобы жить,
Это не белый — зеленый твой шум.
Чтоб мне, коснувшись тебя, умереть —
Встань, королева моя Улялюм!

Третий трамвай — это в рай или в край
Ганди и Швейцера, Че и Франциска:
Площадь восстания, утро и май —
Мы засветились немислимо близко.
Милая, ты не находишь, что нас
Бог не обидел ни славой, ни счастьем?
Жизнь описуема в несколько фраз
Между Крещеньем моим и Причастьем —

Это паломничество
на всю жизнь:
Здесь или позже мы будем с тобой;
Наш Бог — Любовь, Он сильнее, чем смерть,
Серебро Господа, жемчуг речной!

Милая, а в Воскресенье с утра
Кончилось наше всесветное горе —
Там, где Спаситель встречает Петра,
Нас догоняет Divino Amore.
Не от единой ли Чаши мы пьем
И не одно ли Распятые целуем?
В Риме и в мире мы были вдвоем,
Как перед Богом друг друга минуем?

Бог убивал нас, и вот, мы в живых —
Он для чего-то нуждается в нас.
Грех — это то, для чего мы мертвы,
Это вся правда, что здесь и сейчас!

Декабрь 1999

«2»

Я засыпаю рядом с границей
Леса и степи. Здесь мои реки.
Все, что я знаю, Все, что мне снится —
Личное дело плюс мои предки.
Нет кинохроник, нет документа,
Чтобы не знали, чтобы смолчали —
Только легенда, синяя лента:
Немцы-поляки, шведы-смольчане.

Куда ты уличный боец?
Ты помнишь узкий переулок
Там ждет тебя царев стрелец
Он шесть часов как знает твой конец
Что да, что нет один ответ

Пока я жив я уличный боец
Пока я жив я уличный боец
Пока я жив я уличный боец
Бог даст ударю вспыхнет переулок

Мы засыпаем рядом со смертью:
Зэки в бетоне — наша плотина.
Всех хоронили точно по смете,
Чтобы страна за нас не платила.
Город Самара, край депортаций,
Ставрополь-Волга, форт могоканский —
Чаша полна нежелательных наций,
И по призыву — американцы.

Куда ты уличный певец
За переулком перекресток
Там ждет машина и ловец
Он шесть недель как знает твой конец
Что да что нет один ответ

Пока я жив я уличный певец
Пока я жив я уличный боец
Пока я жив я уличный певец
Бог даст от песни вспыхнет перекресток

Мы засыпаем — ежик в тумане,

Речь Посполита — все в новом свете.
 Где вы, калмыки? Где мопикане?
 Где мое имя? Где мои дети?
 Как докричаться в русском Детройте,
 Леди Мадонна у изголовья?
 В русском Чикаго где-то в Европе
 Я засыпаю рядом с любовью.

Куда ты уличный простец
 За перекрестком сразу площадь
 Там ждет тебя верховный жрец
 Он от рожденья знает твой конец

Пока я жив я уличный простец
 Пока я жив я уличный боец
 Пока я жив я уличный певец
 Бог даст мы подойдем и вспыхнет площадь

1989, январь 2000

ОТ СКРИПТОРА

«Иоанн» — это имя святого, в день памяти которого я был крещен. Здесь оно введено в порядке псевдонима, в церковных документах не фигурирует, в отличие от двух последующих — Алексей Томас. Имя Марии, мне кажется, любой католик может присвоить вообще без зазрения совести. Последняя часть имени — это девичья фамилия моей матери, точнее, ее изначальная, лет, может быть, триста как забытая форма, произрастающая в естественных условиях в Польше и Белоруссии вплоть до Смоленска. Забавно, что я ношу имя и отчество точно такие же, какие носил монарх, переместивший эту линию моих предков в Заволжье, в порядке одной из первых депортаций: история достаточно печальная.

Вопреки видимости, у меня была интересная жизнь. Когда-то я был в политической группе, сыгравшей в Самаре роль Демсоюза — таких на весь город было человек тридцать, если сложить экологов из «Альтернативы» и нашу «Перспективу». Почти всем не было и двадцати пяти лет — и в дальнейшем судьба у нас складывалась чаще всего странно. По широте душевной мы ввязались в «борьбу с привилегиями», интересовавшую «обновителей великой идеи». Так ее все еще обновляют, а нас как стерли с Площади, так

и до сих пор не собрали. Мне выпала честь быть, вероятно, одним из последних объектов персонального внимания КГБ (до сих пор не вполне понимаю, чем я так отличился — разве что стихами). Я отлучался от публичной жизни, равно от науки и литературы, как политический радикал и одновременно провокатор; ясно, что вторым я не был, но и первое я очень плохо осознавал. Ну что плохого в моей любимой цитате из Че Гевары («социализм имеет смысл в том случае, если власти не воруют, а у народа есть оружие»?.. Маркса и Ленина я искренне любил, хотя и посмеивался над ними. Думаю, что наказуема в СССР была *любая* молодость и искренность ipso facto: страна удерживалась от распада боязнь «уважаемых и интересных» людей быть вытесненными со своих позиций.

Постепенно я совсем ушел в подполье — в попытку создать несветскую семью. Тогда я вновь и окончательно (в первый раз это было в четырнадцать лет) поверил Богу, и дальше меня вел Он. Далее следует совершенно нормальный опыт, не без голода, не без криминала и не без лобовых столкновений с языческой мистикой, именуемой совокупно «New Age». В общем, мне была дана жизнь, сопоставимая с жизнью *западного* «поколения 68-го года» — такая, о какой я двадцать лет назад просил Бога. *И я знаю, что я не один такой.* Судьбы моих ровесников и ровесниц сплошь и рядом чудовищно прекрасны.

Я очень люблю Академию: она создана людьми, связанными с Движением, с тогдашней мечтой. Последний текст, напечатанный мной в 89-м, был — о том, что в ожидании новой волны нужно сохранить людей, сохранить живую душу. Академия — место, где именно это и делалось. И время пришло.

Остальная моя жизнь — там, в текстах, собираемых вместе впервые за двадцать лет. Это нечто вроде модели возможной книги. Рубрикацию я создал, конечно, сейчас, и ее надо правильно понимать; это не разные истории с разными персонажами. Это части одной и той же истории, обретавшей себя на протяжении двадцати лет — от случайных уличных встреч до начатков вечной жизни. А там что Бог даст.